

Культурный трансфер в литературе: диалог, заимствование, присвоение

Екатерина Дмитриева

Теория культурного трансфера как освоение «чужого»

(НА ПРАВАХ ВВЕДЕНИЯ В ТЕМУ)¹

Ekaterina Dmitrieva

The Cultural Transfer Theory as Mastering the Other (As an Introduction to the Topic)

Екатерина Дмитриева (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ведущий научный сотрудник; доктор филологических наук) katiadmitrieva@mail.ru.

Ekaterina Dmitrieva (Dr. habil.; Head Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Head Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences) katiadmitrieva@mail.ru.

Ключевые слова: теория культурного трансфера, свое и чужое, перевод, национальная идентичность, сравнительный метод

Key words: cultural transfer theory, the same and the other, translation, national identity, comparative method

УДК: 801.73

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_127

UDC: 801.73

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_127

В статье рассматривается вклад, который теория культурного трансфера внесла в решение проблематики «своего» и «чужого». Определяя себя в полемике с компаративным методом, в той форме, в которой он утвердился в XX веке во Франции, теория культурного трансфера основной акцент сделала не на элементах сравнения, а на динамичном взаимодействии этих элементов между собой. Если сравнение и вытекающее из него противопоставление культурных традиций акцентирует внимание на идентичности каждой из национальных культур, то теория культурного трансфера своей задачей

The article examines the contribution of the cultural transfer theory to solving the problem of the same and the other. Defining itself in polemics with the comparative method, in the form in which it was established in the 20th century in France, the cultural transfer theory placed its main emphasis not on the elements of comparison, but on the dynamic interaction of these elements with each other. The comparison and the resulting opposition of cultural traditions focuses on the identity of each national culture, but the cultural transfer theory aims to determine the common foundation of cultural phenomena, forgotten or deliberately repressed. The study of the

1 Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода».

ставит определение общего фундамента феноменов культуры, забытого или сознательно вытесненного. Исследование факторов, которые определяют возможность заимствования одной культурой продуктов другой, «чужой» культуры, ставит под вопрос представление о том, что, заимствуя, принимающий контекст якобы искажает оригинал. Пересмотру подвергается и представление о влиянии, оказываемом на принимающую культуру. Культура принимает только то, в чем она испытывает настоящую потребность, и, принимая, модифицирует воспринятое в соответствии с собственными потребностями и собственной конъюнктурой. Оглядка на иностранные образцы и отсылка к «чужому» нередко становятся условиями создания национальной культуры, и даже сама национальная идея, национальная идентичность в своем самоутверждении нуждается в участии «чужого». Перевод, который есть интеграция текста или феномена национальной культуры в иную референциальную систему, в том числе и лингвистическую, стал предметом особо пристального внимания теории культурного трансфера, которая исходит из того, что перевод так же легитимен, как и оригинал, а подлинность, не будучи константой, есть то, что подлежит постоянному воссозданию. Понимание перемещений (трансфера), свойственных всякой культуре, способно во многом спасти от искушения догматическим мышлением, а сама оппозиция «свое — чужое» уже более не может мыслиться как оппозиция, но как сложнейший синтез вечно меняющихся смыслов.

factors that determine the possibility of one culture borrowing the products of another, “alien” culture, calls into question the idea that, by borrowing, the receiving context allegedly distorts the original. The idea of the influence exerted on the host culture is also being revised. Culture accepts only what it urgently needs, and, accepting, modifies what it perceives in accordance with its own needs and its own conjuncture. Looking at foreign models and referring to something other often becomes a condition for the creation of a national culture, and even the national idea itself, and national identity, in its self-affirmation, needs the participation of someone else. Translation, which is the integration of a text or phenomenon of national culture into another referential system, including a linguistic one, has become the subject of particularly close attention of the cultural transfer theory. This theory proceeds from the fact that translation is as legitimate as the original, and authenticity, without being a constant, is something that is subject to continual re-creation. Understanding the movements (transfer) inherent in any culture can save us from the temptation of dogmatic thinking, and the opposition of “the same — the other” can no longer be thought of as an opposition, but as a complex synthesis of ever-changing meanings.

Оппозиция «свое — чужое» давно и традиционно рассматривается этнографами, философами, лингвистами, культурологами и как способ самоидентификации культуры, и как принцип моделирования мира, взаимодействия между представителями разных культур. Она рассматривалась и как гносеологический инструмент, инструмент лингвистического познания, предмет феноменологии и мифологической семиотизации², поскольку противопоставление «своего» и «чужого», которое хотя и стало предметом размышления скорее в XX веке, существовало уже с глубокой древности. Анализ значений «чужого» и, по совокупности, «своего», содержится в работах Э. Бенвениста, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса. Об этой оппозиции писали те, кого позже стали называть представителями Тартуско-московской семиотической школы: Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Т.В. Цивьян [Цивьян 2001], и проблеме этой были посвящены статьи и разделы журнала «Труды по знаковым системам», выходявшего в Тарту в период с 1964 по 1992 год³. Проблема «своего» и «чужого» посвящена ставшая уже почти культовой книга современного французского философа Венсана Декомба «Свое и чужое. Сорок пять лет француз-

2 См.: [Пахолова 2022; Прилуцкий 2015].

3 См. также выпуск: [Acta Slavica Estonica 2016].

ской философии (1933—1978)» [Descombes 1979], показавшая, как за полвека в философии произошел переход от утверждения единого его — «своего», «того же самого» (*le même*) — к дифференциации, различению и различанию (*différance* — в том смысле, в каком его использовал Деррида). Перечисление всех, кто так или иначе занимался данной проблемой, можно было бы еще долго продолжать.

Существенным вкладом и даже прорывом в решении проблематики «своего» и «чужого», их сложной диалектики и перетекания одного качества в другое стала теория культурного трансфера, зародившаяся во Франции в 1980-е годы в среде филологов и историков-германистов и впоследствии завоевавшая также и иные области знаний: философию, социологию, искусствоведение, историю гуманитарных наук, урбанистику, садовое искусство и проч.⁴

Определяя себя в имплицитной и эксплицитной полемике с компаративным методом (во всяком случае, в той форме, в какой он утвердился в XX веке во Франции), теория культурного трансфера⁵ с самого начала основной акцент сделала не на элементах сравнения, а на динамичном взаимодействии этих элементов между собой. Признавая заслугу сравнительного метода в преодолении узко национального подхода к феномену культуры, что и позволило ему открыть горизонты познания в сфере гуманитарных наук в конце XVIII — начале XIX веков, именно в приеме сравнения теория культурного трансфера увидела имманентно заложенный эпистемологический тупик: выстраивание определенных типологических групп, серий, сопоставление тех или иных феноменов культуры, которое не может не стать (не быть) установлением иерархии, несущей на себе печать субъективности того, кто производит сравнение (то есть сравнивающего субъекта). И в этом смысле, как неоднократно отмечал Мишель Эспань и другие его коллеги, произошло открытие по сути хорошо забытого старого: ведь еще Хейман Штейнталь, издатель известного журнала «Журнал психологии народов и языкознания» («*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*»), отмечал в середине XIX века, что тот тип сравнения, импульс которому был задан сравнительной грамматикой индоевропейских языков, стал одновременно и формой иерархизации и вытеснения культур⁶.

Было замечено, что исследования культурных взаимодействий, какой бы принцип при этом ни был использован — сравнение, соположение, выявление параллелей, — грешат, как правило, утверждением замкнутости, закрытости культурных полюсов, ригористичным приданием им статуса национальной или интеллектуальной идентичности. Сравнение и вытекающее из него противопоставление культурных традиций акцентирует внимание на идентичности

4 См., например: [Histoire de littératures... 2009; Decultot 1996; Espagne 2009; Saint-Pétersbourg... 2000; Ananieva 2010].

5 Впрочем, один из главных теоретиков культурного трансфера и, по сути, один из отцов-основателей доктрины Мишель Эспань, к чьим трудам в дальнейшем наш текст апеллирует, предпочитает говорить не о теории, а лишь о «чаемом горизонте ожидания и своего рода методологическом регуляторе» [Эспань 2018: 44].

6 О Х. Штейнтале см. монографию Селин Тротман-Валер: [Trautmann-Waller 2006]; см. также: [Тротман-Валер 2009]. Не случайно и журнал «Бытие» («*Genèses*»), выходящий с 1990 года и сотрудничающий с широким кругом иностранных авторов, демонстративно избегает как использования самого термина «сравнение», так и скрывающейся за ним операции, несмотря на то что в сферу его проблематики входит освещение межнациональных контактов, см.: [Эспань 2018: 94].

каждой из национальных групп, словно игнорируя или минимализируя объем той инородной, *чужой* памяти, которая лежит в основе любой идентичности.

А ведь на самом деле даже сама возможность сравнения (не все и не всегда можно сравнивать) определяется существованием некоего общего фундамента феноменов культуры — фундамента иногда забытого, а иногда и сознательно вытесненного. Сравнение языков, мифов, обычаев, пишет М. Эспань, не имеет смысла, если только оно не отсылает к некоему общему утраченному языку, общей забытой религии, на руинах которых собственно и возникают разрозненные идентичности (и в этом смысле забвение должно восприниматься скорее как необходимое условие формирования культур, а не как прискорбная утрата⁷).

Парадоксальным образом этот общий культурный фундамент, в свою очередь, оказывается пронизан метисациями, которые в конечном счете являются не сугубо национальными, но всегда гибридными: францужско-немецкими, францужско-русско-византийскими и т.д. Парадокс любого межкультурного фундамента состоит в том, что разного рода расхождения в нем могут рассматриваться одновременно и как формы синтеза. Так, генезис идеи *Bildung* (не переводимое с немецкого языка понятие, означающее не только образование, но и формирование людей и народа в целом идеями обновленного гуманизма, который сможет привести Германию к собственному Возрождению), идеи, берущей свое начало в работах Вильгельма фон Гумбольдта и пронизывающей идеологию прусской системы образования, имеет, как показывает М. Эспань, в качестве негативной, формообразующей, но порою удивительно схожей референции сенсуалистскую философию языка, разработанную Кондильяком [Эспань 2018: 40]. А сравнительное изучение школьной и университетской систем в Германии и во Франции, которое в основном констатирует отсутствие сходства, регулирует то внутреннее взаимодействие между ними, которое исторически обуславливало их внутренний динамизм. Пример тому — создание Практической школы высших исследований по инициативе, в частности Мишеля Бреалья, попытавшегося привить в Париже методы исследования, разработанные в Германии [Там же: 91] (см. также: [Bollack 1977; Espagne et al. 1991]).

Продолжая разговор об идентичности, следует сказать, что исследование факторов, которые определяют возможность заимствования той или иной культурой того или иного ее продукта, делает проблематичным любое представление о том, что, заимствуя, принимающий контекст якобы искажает оригинал. Пересмотру подвергается и представление о влиянии, оказываемом на принимающую культуру. Дабы окончательно пересмотреть эти категории, которые слишком долго сковывали нашу мысль, пишет Эспань, важно сосре-

7 Данный тезис теоретика культуры поразительным образом совпадает с поэтической мыслью позднего Гёте, который делает местом действия первой сцены второй части «Фауста» «живописную местность», где пробуждение Фауста к новой жизни оказывается возможным только благодаря водам Леты («Росою Леты окропив с любовью, — / Усталые расправит члены сон, / И день он встретит бодр и укреплен»). Сам Гёте прояснил этот парадокс в письме к своему другу Цельтеру от 15 февраля 1830 года: «С каждым дыханием эфирный поток Леты проникает во все наше существо, так что мы умеренно помним радости и почти забываем страдания. Этот великий дар богов я с давних пор умел ценить, использовать и увеличивать» (*Goethe J.W. von. Sämtliche Werke. Briefe, Tagebücher und Gespräche: In 45 Bde. Bd. 20.1 Frankfurt a.M.: Deutscher Klassiker-Verlag. S. 228 (FA II, 11)*).

доточиться на генезисе и функционировании чужих референций. Культура принимает только то, в чем она испытывает настоятельную потребность, и, принимая, модифицирует воспринятое также в соответствии с собственными потребностями (данный тезис, исповедуемый идеологами культурного трансфера, на самом деле почти дословно, хотя и неумышленно, повторяет теорию «встречных течений», о которых еще в XIX веке писал А.Н. Веселовский [Шайтанов 2021: 118]). Именно конъюнктура (потребности) пространства, в котором происходит усвоение «чужого», определяет то, что вообще может быть заимствовано, или же то, что, латентно присутствуя в национальной памяти, может быть реактивировано, дабы послужить в дальнейшем злобе дня. Так, паразитическим образом одной из ключевых героических фигур немецкой литературы (стараниями Гёльдерлина и Гейне) становится Наполеон, немало горя принесший немецким землям, но поспособствовавший при этом утверждению национальной и культурной самобытности Германии [Эспань 2018: 310—335].

Еще один характерный казус — Иоганн Винкельман, о котором неоднократно писал М. Эспань в своих статьях и книге, посвященной немецким историкам искусства XIX века. Немецкий автор, первый в ряду историков искусств, Винкельман большую часть своих трудов написал в Риме, в Италии. И темы, которые он в них затрагивал, хоть и важны были для немецкого гуманизма, но все же имели отношение к иной культуре. Более того, греческая модель, которую Винкельман защищал, была также моделью чужой культуры, понимание которой было сформировано античными образцами, окружавшими Винкельмана. Но при этом, как писал один из его первых биографов, немецкий историк искусства XIX века Карл Юсти, если Винкельман и предлагал иностранную (античную) модель в качестве образца, то делал он это из чувства патриотизма. Ведь преуспеть в изучении греческих тайн там, где французы, имевшие в то время таких блистательных археологов, как граф де Келюс, так и остались на уровне искателей антиквариата, — это означало усилить престиж национальной науки. «История искусства древности» Винкельмана сразу позволила немцам войти в более широкий научный контекст, контекст европейской науки, обусловив двойственную позицию ее автора — одновременно и универалистскую, и патриотическую [Там же: 293] (см. также: [Justi 1866]). Другой парадоксальный пример того же рода и тоже связанный с Винкельманом — это знаменитый Медный всадник Фальконе, который, как показал еще один историк искусств Луи Рео, был по первоначальному замыслу его создателя не столько памятником российскому императору, сколько моментом бунта против Винкельмана и символом экспансии французской культуры в Россию, своего рода «Дидро на коне» [Эспань 2006].

Данные случаи (а их число легко можно было бы умножить) тем более показательны, что демонстрируют, насколько оглядка на иностранные образцы и отсылка к «чужому» становятся условием создания национального творчества, а сама национальная идея, национальная идентичность в своем самоутверждении нуждается в участии «чужого». Благодатной почвой для размышлений о национальном служит в этом смысле история гуманитарных наук, способная наглядно продемонстрировать, каким образом национальное возникает из восприятия, ассимиляции «чужого» или же демонстративного отказа от него. К тому же бывает и так, что заимствуемый объект был уже до этого частично усвоен, положив тем самым начало целому ряду интерпретаций. В таком случае новый этап присвоения наслаивается на предыдущие, к прежним интер-

претациям добавляются новые, и вновь происходит своего рода реактуализация смысла⁸.

Таким образом, суммируя сказанное выше, можно заметить, что если классическое сравнение вынуждено квазиискусственно создавать единицы сравнения, дабы вообще иметь возможность сравнивать, оставляя тем самым вне поля зрения реальность, которая не вписывается в сконструированный объект, то теория и практика культурного трансфера, не будучи вынуждена прибегать к созданию подобных конструкций, оказывается гораздо более внимательной к разнообразию живой жизни. Именно она исследует те превращения, которые происходят в процессе перемещения культурного явления в иное культурное пространство и, в отличие от сравнительного метода, уделяет большее значение категории времени как абсолютно необходимой для изучения всякого процесса превращения.

Именно поэтому компаративизму в гуманитарных науках, исходящему из идеи «особости» каждой культуры, даже когда речь идет о влиянии одной культуры на другую, теория культурного трансфера противопоставляет не просто изучение одновременно нескольких культурных и национальных пространств, но также и изучение имбрикаций, вкраплений, трансформаций, которые при всяком соприкосновении культур проявляются не только в принимающей, но и в воздействующей культурах. И тем самым в расчет берется не только бинарная оппозиция — две культуры, одна из которых обязательно осмысливается как культура-реципиент, — но конструкция гораздо более сложная, в которой отношение к «чужому» и межкультурный субстрат, обыкновенно находившийся на периферии внимания, перемещается в центр и демонстрирует тем самым свою действенность в культурных процессах (см.: [Дмитриева 2011; Espagne 1999: 1–3]).

Именно поэтому в сфере внимания культурного трансфера оказывается инациональная (зарубежная) литература (культура), пропущенная сквозь призму *своего* восприятия, не только национальный, но еще и инациональный пантеон⁹. Иными словами, история французской литературы, в том виде, в каком она оказывается сконструированной в самой Франции, не равна истории французской литературы, какой она представляла в глазах русских читателей. Но существует одновременно немецкая, английская, итальянская истории французской литературы, расхождения между которыми также являются предметом культурного трансфера. Соответственно, существует русский пантеон французской, немецкой, английской литератур, равно как и зарубежный (инациональный) пантеон русской литературы, способный удивить российского читателя своими расхождениями с устоявшимися национальными предпочтениями¹⁰. Понимание механизма культурного трансфера способно тем самым

8 В качестве иллюстрации в своей монографии М. Эспань приводит известный пример того, как во Франции XIX века «приживалась» немецкая классическая философия — сначала в лице Канта-якобинца, которым немецкие эмигранты в Париже пытались оперировать в революционных дебатах начиная с 1796 года, и затем Канта — «философа, погруженного в умозрительные проблемы» из книги госпожи де Сталь «О Германии» [Эспань 2018: 367].

9 Данной проблематике был посвящен специальный коллоквиум и выпущенный на его основе сборник коллективных трудов [Литературный пантеон... 1999].

10 Пример иного происхождения, но прекрасно иллюстрирующий данную проблему, являет собой статья китайского исследователя Ингьин Сяо [Xiao 2019]), опубликован-

охватить взглядом более синтетическим сразу несколько социокультурных пространств, граница между которыми перестает восприниматься как предел, но сама становится предметом рассмотрения. М. Эспань демонстрирует данный механизм на примере первобытных племен нуэр и динка, ставших в свое время предметом исследований Э.Э. Эванса-Причарда [Evans-Pritchard 1994: 175], в которых теоретики культурного трансфера увидели важный для себя методологический ориентир. В истории этих племен идентичность и различие не только не противоречили друг другу, но и находились в отношении взаимного дополнения. В новейшей истории параллелью тому становится ресимволизация, сопутствующая культурному обмену в Европе (присвоение и переосмысление зеркальной галереи Версаля в духе немецкого национализма, реинтерпретация уроков философии Канта и Фихте во Франции периода Третьей республики; из возможных русских примеров можно было бы добавить «инструментализацию» идей немецких философов Гердера, Баадера, Шеллинга в процессе формирования славянофильской доктрины и т.д.). Между современностью и архаикой, пишет М. Эспань, также устанавливается порой такая тесная связь, что они становятся аллегориями друг друга. Так это происходит, например, в романе Гимараеса Розы «Тропы по большому сертану» («Grande Sertão: Veredas») "Гранди-Сертан: тропы», где лабиринты Сертона и Амазонки, их сложная, насыщенная мифами топонимика и фауна создают в итоге всеобъемлющую картину бразильской жизни и бразильской истории [Эспань 2018: 213].

Сюда следует еще добавить изучение сопутствующих культурному трансферу факторов: в отношениях воздействующей и принимающей культур всегда присутствует некий «третий» (на самом деле, их гораздо больше) фактор. В качестве аналогии можно было бы привести работу лингвиста, который в изучении коммуникативной ситуации должен учитывать не только отношения говорящего и воспринимающего, но и все те условия, что создают контекст ситуации говорения-восприятия. Так, открытие Бергсона в России оказывается неожиданным образом подготовленным (и скорректированным) предшествующим увлечением Ницше, казалось бы, ничего общего с Бергсоном не имеющим, который, в свою очередь, будучи большим поклонником Достоевского, поначалу и был прочитан в России сквозь призму Достоевского¹¹ [Dmitrieva, Nethercott 1996]. А характер воздействия на европейское гуманитарное знание

ная в журнале «Международное германское обозрение» («Revue germanique internationale»). Журнал примечателен еще и тем, что практически все его номера при разнообразии тематики иллюстрируют возможность применения метода культурного трансфера к различным областям знаний. В упомянутой статье, посвященной анализу написанной немецким синологом Вольфгангом Кубиным «Истории китайской литературы XX века», показывается, как интенция европейского автора присвоить и одомашнить «чужое» превращается в процесс отчуждения, что в итоге демонстрирует полное несовпадение китайского и европейского видения литературного процесса в Китае в XX веке.

- 11 О первоначальной и также во многом парадоксальной рецепции Ницше во Франции пишет М. Эспань, показывая, насколько она связана с конъюнктурой 1890-х годов, когда историцизм во Франции, будучи генетически связанным с немецкими университетами, начал вызывать чувство пресыщения и компрометировать культурную идентичность французов. Ницше, поставивший под сомнение историцизм и провозгласивший себя певцом средиземноморской культуры, образец которой как раз и являла собой Франция, воспринимался в данном контексте как исключение, идеально вписывающееся во французские дискуссии того времени [Эспань 2018: 64].

XX века русской формальной школы (Ю. Тынянов, Б. Шкловский, Б. Эйхенбаум, О. Брик, В. Жирмунский и др.), воспринятой как сугубо русское явление, вряд ли может быть в полную меру понят без учета того импульса, который формалисты в свое время получили от западных гуманитарных наук: психологической школы К. Штейнтала, эстетики Гербарта, искусствознания Г. Вельфлина (см.: [Мэнь 2009; Светликова 2005; Тротман-Валер 2009]).

Легко догадаться, что предметом пристального внимания теории культурного трансфера является перевод, традиционно представлявший собой определенную сложность с герменевтической точки зрения. Ведь когда речь идет об интерпретации чужого объекта и его интеграции в иную референциальную систему, то мы понимаем, что система эта прежде всего лингвистическая. Что уже априори предполагает перекодировку сообщения в иную языковую картину мира. Именно поэтому, как пишет М. Эспань, «какой бы уродующей, полной искажений ни показалась интерпретация историку, сбитому с толку последовательным сопоставлением перевода с оригиналом, укорененным в собственном культурном контексте, с точки зрения трансфера она совершенно законна» [Эспань 2018: 60—61]. И далее: «Одна из аксиом исследования трансфера состоит в том, что перевод (*traduction*) так же легитимен, как и оригинал, а подлинность (*originalité*), не будучи константой, есть нечто, подлежащее постоянному воссозданию» [Там же: 737].

Соответственно, еще одной сферой приложения теории культурного трансфера становится история преподавания иностранных языков, история тех, кто эти языки преподавал, а также та социально-культурная группа, к которой принадлежит переводчик (университет, научное направление, журнал, социальная категория) [Espagne 1993; Espagne et al. 1991].

Поскольку чужой язык и его носители осмысляются как культурное пространство, в котором, собственно, и происходит метисация «чужого» в национальное, неминуемо встает вопрос и о тех концептах, которые, сами будучи интеллектуальным инструментарием, без которого научное описание культуры невозможно, являются одновременно и эманацией той или иной культуры. Такие концепты, как «нация», «гражданин», «патриотизм», «цивилизация», «культура», «образование», «просвещение», которые мы вправе почитать инструментами анализа, таят на самом деле в себе опасность произвольного их использования, поскольку в каждом языке означают отнюдь не одно и то же. И здесь на помощь исторической семантике также приходит именно теория культурного трансфера, которая делает акцент не столько на историчности каждого из терминов, сколько на их «культурном перемещении» — на тех семантических сдвигах, которые возникают при их «импортировании» из одной культуры в другую. Немецкие термины *Geschichte* или *Historie* не совпадают с французским *histoire*; *Schriftlichkeit* обозначает нечто иное, нежели французское *écriture* и русское *письмо* (*письменность*). Уже упоминалось выше о непереводаемости немецкого *Bildung*, словарный перевод которого отнюдь не покрывает его значения в истории немецкой культуры¹². Долгую и увлекательную историю составляет история семантических превращений

12 Проблема непереводаемости стала в последние десятилетия одной из центральных в гуманитарной среде, см. подробнее: [Автономова 2019] (статья представляет собой развернутую рецензию на книгу Барбары Кассен «Похвала переводу» [Cassin 2016]). См. также: [Седакова 2020].

и приращений концептов «культура» и «цивилизация» в их циркулировании между национальными культурами. Постоянная семантическая релятивизация интеллектуального инструментария становится тем самым и радикальным историческим переосмыслением эпистемологических притязаний гуманитарных наук. Наконец, даже с волнующей нас антитезой «свое — чужое» все оказывается не так просто, поскольку, например, ее французский аналог *le même et l'autre* уводит нас в иное семантическое поле, а именно слабого различения «другого» и «чужого», в то время как для русского языкового сознания понятия эти принципиально различны.

Теория культурного трансфера есть в расширительном смысле, в прямом и переносном значениях этого слова одновременно история и теория перевода. Потому что всякое усвоение культурного феномена есть уже само по себе перевод на свой культурный язык, при котором что-то изменяется и в принимающей культуре, но непременно что-то изменяется и в культуре воздействующей. Но при этом исследовательская работа в этой области не может носить синхронического характера. Она лишь представляет собой попытку понять сам процесс усвоения «чужого» на ряде конкретных примеров, феноменов, казусов, образцы которых и дают публикуемые в данном тематическом блоке статьи.

Будем надеяться, что именно перемещения (трансфер), свойственные всякой культуре, смогут спасти нас от искушения догматическим мышлением, от использования мнимо окончательных эпистемологических и узконациональных рамок в решении оппозиции «свое — чужое», которая более уже не может мыслиться как оппозиция, но как сложнейший синтез вечно меняющихся смыслов.

Одним словом, work in progress.

Библиография / References

- [Автономова 2019] — Автономова Н.С. После Вавилона, или О переводе «непереводимостей» // Шаги/Steps. Т. 5. № 3. С. 216—225.
- (Avtonomova N.S. Posle Vavilona, ili O perevode "neperevodimostey" // Shagi/Steps. Vol. 5. No. 3. P. 216—225.)
- [Дмитриева 2011] — Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302—313.
- (Dmitrieva E. Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost'? // Voprosy literatury. 2011. No. 4. P. 302—313.)
- [Литературный пантеон... 1999] — Литературный пантеон, национальный и зарубежный: материалы российско-французского colloquiuma / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, В.Б. Земскова, М. Эспаня. М.: Наследие, 1999.
- (Literaturnyy panteon, natsional'nyy i zarubezhnyy: materialy rossiysko-frantsuzskogo kollokviума / Ed. by E.E. Dmitrieva, V.B. Zemskov, M. Espagne. Moscow, 1999.)
- [Мэнь 2009] — Мэнь К. Формальная эстетика И.Ф. Гербарта и ее отражение в русском формализме / Пер. с фр. Я. Ушениной, Е. Дмитриевой // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия): Коллективная монография по материалам русско-французского colloquiuma 1—2 ноября 2005 г. / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, В.Б. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ, 2009. С. 55—73.

- (Maigné C. L'esthétique formelle de J.F. Herbart et ses échos dans le formalisme russe // *Evropeyskiy kontekst russkogo formalizma (k probleme esteticheskikh peresecheniy: Frantsiya, Germaniya, Italiya, Rossiya): Kollektivnaya monografiya po materialam russko-frantsuzskogo kollokviuma 1—2 noyabrya 2005 / Ed. by E.E. Dmitrieva, V.B. Zemskov, M. Espagne. Moscow, 2009. P. 55—73. — In Russ.)*
- [Пахолова 2022] — Пахолова И.В. Философская антропология «чужого» (феноменологические теории «чужого»): Учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2022.
- (Pakholova I.V. Filososfskaya antropologiya "chuzhogo" (fenomenologicheskie teorii «chuzhogo»): Uchebnoye posobie. Samara, 2022.)
- [Прилуцкий 2015] — Прилуцкий А.М. Образ «Чужого» как предмет мифологической семиотизации // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. Т. 16. № 1. С. 67—73.
- (Prilutskiy A.M. Obraz "Chuzhogo" kak predmet mifologicheskoy semiotizatsii // *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2015. Vol. 16. No. 1. P. 67—73.)
- [Светликова 2005] — Светликова И. Традиция психологизма и формальная школа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- (Svetlikova I. Traditsiya psikhologizma i formal'naya shkola. Moscow, 2005.)
- [Седакова 2020] — Седакова О. Перевести Данте. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.
- (Sedakova O. Perevesti Dante. Saint Petersburg, 2020.)
- [Тротман-Валер 2009] — Тротман-Валер С. Народная литература, коллективный автор и социальные характеристики повествовательных форм: немецко-русский переход от психологии к формализму и структурализму / Пер. с фр. Я. Ушениной, Е. Дмитриевой // *Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия): Коллективная монография по материалам русско-французского коллоквиума 1—2 ноября 2005 г. / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, В.Б. Земскова, М. Эспана. М.: ИМЛИ, 2009. С. 20—40.*
- (Trautmann-Waller C. Littérature populaire, auteur collectif et dimension sociale des récits: un transfert germano-russe de la psychologie au formalisme et au structuralisme // *Evropeyskiy kontekst russkogo formalizma (k probleme esteticheskikh peresecheniy: Frantsiya, Germaniya, Italiya, Rossiya): Kollektivnaya monografiya po materialam russko-frantsuzskogo kollokviuma 1—2 noyabrya 2005 / Ed. by E.E. Dmitrieva, V.B. Zemskov, M. Espagne. Moscow, 2009. P. 20—40. — In Russ.)*
- [Цивьян 2001] — Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
- (Tsviv'yan T.V. Semioticheskie puteshestviya. Saint Petersburg, 2001.)
- [Шайтанов 2021] — Шайтанов И.О. Становление сравнительного метода глазами А.Н. Веселовского // *Литературная компаративистика. Антология: В 2 т. Т. 1: Становление метода / Под ред. И.О. Шайтанова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2021. С. 113—119.*
- (Shaytanov I.O. Stanovlenie sravnitel'nogo metoda glazami A.N. Veselovskogo // *Literaturnaya komparativistika. Antologiya: V 2 vols. Vol. 1: Stanovlenie metoda / Ed. by I.O. Shaytanov. Moscow, 2021. P. 113—119.*)
- [Эспань 2006] — Эспань М. «Чужая» составляющая размышлений о художественной культуре: Россия, Франция и Германия на рубеже веков / Пер. с фр. Е. Дмитриевой // *Искусство versus литература. Франция — Россия — Германия на рубеже XIX—XX веков: Материалы русско-французского коллоквиума / Под ред. Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2006. С. 26—31.*
- (Espagne M. L'usage de l'étranger dans la définition d'une culture artistique Russie, France, Allemagne vers 1900 // *Iskusstvo versus literatura. Frantsiya — Rossiya — Germaniya na rubezhe XIX—XX vekov. Materialy russko-frantsuzskogo kollokviuma / Ed. by E.E. Dmitrieva. Moscow, 2006. P. 26—31. — In Russ.*)
- [Эспань 2018] — Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (Espagne M. L'histoire de l'art comme transfert culturel. Moscow, 2018. — In Russ.)
- [Acta Slavica Estonica 2016] — Acta Slavica Estonica VIII: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Т. XVII. Свое — чужое в языке и речи / Ред. И.П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет, 2016.
- (Acta Slavica Estonica VIII: Trudy po russkoy i slavyanskoj filologii. Lingvistika. Vol. XVII. Svoe — chuzhoe v yazyke i rechi / Ed. by I.P. Kyul'moya. Tartu, 2016.)
- [Ananieva 2010] — Ananieva A. Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts. Bielefeld: Transcript, 2010.
- [Bollack 1977] — Bollack J. Critique allemande de l'université de France (Thiersch, Hahn, Hille-

- brand) // Revue d'Allemagne. 1977. Vol. 9. P. 642—666.
- [Cassin 2016] — *Cassin B.* Éloge de la traduction: Compliquer l'universel. Paris: Fayard, 2016.
- [Decultot 1996] — *Decultot E.* Peindre le paysage. Discours critique et renouveau pictural dans le romantisme allemand. Tusson: Du Lérot, 1996.
- [Descombes 1979] — *Descombes V.* Le Même et l'Autre. Quarante-cinq ans de philosophie française (1933—1978). Paris: Éditions de Minuit, 1979.
- [Dmitrieva, Nethercott 1996] — *Dmitrieva K., Nethercott Fr.* De Nietzsche à Bergson dans la quête de Dieu. La nouvelle conscience religieuse en Russie au début du XXème siècle // Transferts culturels triangulaires. France — Allemagne — Russie / Ed. by K. Dmitrieva, M. Espagne. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1996. P. 337—366.
- [Espagne 1993] — *Espagne M.* Le paradigme de l'étranger. Les chaires de littérature étrangère au XIXe siècle. Paris: Cerf, 1993.
- [Espagne 1999] — *Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999.
- [Espagne 2009] — *Espagne M.* L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itinéraire d'Anton Springer. Paris: Belin, 2009.
- [Espagne et al. 1991] — *Espagne M., Lagier F., Werner M.* Le maître de langue. Les premiers enseignants d'allemand (1830—1850). Paris: Maison des sciences de l'homme, 1991.
- [Evans-Pritchard 1994] — *Evans-Pritchard E.E.* Les Nuer. Description des modes de vie et des institutions politiques d'un peuple nilote. Paris: Gallimard, 1994.
- [Justi 1866] — *Justi C.* Winckelmann, sein Leben, seine Werke und seine Zeitgenossen: mit Skizzen zur Kunst- und Gelehrten-geschichte des 18. Jahrhunderts: In 2 Bde. Leipzig: Verlag von F.C.M. Vogel, 1866.
- [Histoire de littératures... 2009] — Histoire de littératures en France et en Allemagne autour de 1800 / Éd. par G. Espagne. Paris: KIME, 2009.
- [Saint-Pétersbourg... 2000] — Saint-Pétersbourg: une fenêtre sur la Russie. Ville, modernisation, modernité 1900—1935 / Éd. par E. Bérard. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 2000.
- [Trautmann-Waller 2006] — *Trautmann-Waller C.* Aux origines d'une science allemande de la culture. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris: CNRS, 2006.
- [Xiao 2019] — *Xiao Y.* Le Même et l'Autre. Réflexion sur les critiques de L'histoire de la littérature chinoise du XXe siècle de Wolfgang Kubin // Revue germanique internationale. 2019. Vol. 29. P. 89—98.